

НАКЛОНЕНИЕ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДРУГИМИ КАТЕГОРИЯМИ: ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ОБЗОРА*

© 2015 г.

Андрей Львович Мальчуков^{a, b},
Виктор Самуилович Храковский^{a, @}

^a Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Россия; ^b Университет г. Майнца, Германия; [@] khrakovv@gmail.com

В статье рассматривается взаимодействие наклонения с другими грамматическими категориями глагола. Особое внимание уделяется синтагматическому взаимодействию, когда выбор одной из граммем категории наклонения ограничивает употребление или реинтерпретирует значение грамлемы другой категории (например, времени или лица). Помимо целей типологического обзора, статья ставит перед собой задачу предложить общий подход к описанию синтагматического взаимодействия категорий, развивающий идеи В. С. Храковского о доминантных и рецессивных категориях. В рамках предлагаемого подхода ограничения на сочетаемость глагольных категорий определяются общими функциональными факторами, такими как функциональная совместимость, релевантность, избыточность и частная (дистрибутивная) маркированность.

Ключевые слова: взаимодействие грамматических категорий, аномальные сочетания граммем, иерархии грамматических категорий, маркированность, наклонение модальность, императив, ирреалис

MOOD IN INTERACTION WITH OTHER VERBAL CATEGORIES: A TYPOLOGICAL OVERVIEW

Andrej L. Malchukov^{a, b}, Viktor S. Xrakovskij^{a, @}

^a Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russia; ^b Johannes Gutenberg-University, Mainz, Germany; [@] khrakovv@gmail.com

The article presents a typological study of mood in interaction with other verbal categories, with special attention given to cases of syntagmatic interaction, when a mood grammeme excludes or reinterprets grammemes of other categories. Apart from providing a typological overview, the article serves to outline an approach to syntagmatic interaction of verbal categories following up on the work by V. S. Xrakovskij on dominant and recessive categories. The suggested approach seeks to constrain syntagmatic co-occurrence of grammatical categories in reliance to such functional factors as functional compatibility, relevance, economy and local markedness.

Keywords: interaction of verbal categories, infelicitous grammeme combinations, hierarchies of verbal categories, local markedness, mood, modality, imperative, irrealis

* Мы выражаем признательность РФФИ за финансовую поддержку проекта (грант № 14-18-03406). Мы также благодарны коллегам: Е. В. Падучевой, Юхану ван дер Аувера, Яну Нуйтсу, Бьерну Вимеру и С. Ю. Дмитренко за ценные замечания по предварительному тексту статьи. Также мы чрезвычайно признательны рецензенту журнала «Вопросы языкознания», чьи замечания были конструктивными и способствовали улучшению первоначального текста статьи.

1. Введение

Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена прежде всего проблеме синтагматического взаимодействия категории наклонения с другими грамматическими категориями глагола. Также, хотя и в меньшей степени, в ней рассматривается вопрос о связи наклонения с категориями, которые в ходе исторического развития трансформируются в категорию наклонения, и категориями, которые семантически близки наклонению. Последняя проблема связана с вопросом о соотношении модальности и наклонения, который, в свою очередь, осложнен тем, что многие основные понятия, относящиеся к сфере модальности, еще не получили однозначного решения. Это касается не только того, насколько широко понимается сфера модальности, по традиции эмпирически определяемая с опорой на значения, выражаемые модальными глаголами в европейских языках, см. [Nuys 2005], но и определения понятия наклонения. Одна из популярных теорий не проводит концептуальных различий между двумя этими понятиями, рассматривая наклонение в качестве продукта грамматикализации модальных различий [Palmer 1986; Bybee et al. 1994; de Haan 2006]¹. В соответствии с другой широко распространенной теорией, опирающейся на философские и лингвистические традиции, см. [van der Auwera, Plungian 1998], эти понятия различаются на концептуальном уровне: к функциям модальности относится выражение значений возможности и необходимости (в плане деонтической и эпистемической модальности), а наклонение выражает иллокутивные различия (типы предложений), а также выражение реалиса/ирреалиса в главном и придаточном предложении. В рамках последней концепции существует несколько вариантов, описание которых не входит в задачу настоящей работы (см. обсуждение в [Плунгян 2011: 423—449])². Достаточно сказать, что, хотя термин «наклонение», используемый в настоящей статье в основном следует последней концепции, мы принимаем также во внимание и первую концепцию (Байби, Палмера и др.) поскольку она, главным образом, учитывает морфологическое выражение иллокутивных значений и значений реалиса/ирреалиса. Таким образом, мы исходим из того, что категория наклонения указывает на мнение говорящего относительно принадлежности ситуации или, если угодно, пропозиции, называемой глаголом, либо к реальному миру (индикатив — прямое наклонение)³, либо к нереальному (желаемому, возможному, невозможному (оптатив, конъюнктив, кондиционалис, ирреалис)), либо к возможному, проецируемому в реальный (императив) — косвенные наклонения; ср. [Якобсон 1972: 111, Мельчук 1998: 153]. У этой категории по сравнению с другими рассматриваемыми категориями самая широкая сфера действия, которая распространяется на все предложение с данным ядерным глаголом. В соответствии с принципом иконичности показатели граммем наклонений стандартно занимают крайнюю (обычно правую) позицию в глагольной словоформе [Bybee 1985].

То, что в фокусе настоящего исследования оказываются морфологические способы выражения модальных значений, продиктовано рядом дополнительных соображений как эмпирического, так и теоретического характера. С эмпирической точки зрения акцент на взаимодействие чаще грамматикализуемых форм дает возможность получить более сопоставимые результаты на материале большего количества языков. Кроме того, сужение области исследования за счет комбинирования функциональных и формальных критериев также желательно по той причине, что чисто концептуальное отграничение наклонения

¹ «Modality is the conceptual domain, and mood is its inflectional expression» [Bybee et al. 1994: 181].

² Так, некоторые авторы [Van Valin, LaPolla 1997; Elliott 2000] предлагают тройное противопоставление: иллокутивная сила (наклонение) — статус (значения реалиса/ирреалиса) — модальность (modal force). С другой стороны, И. А. Мельчук [Мельчук 1998] относит иллокутивные формы и формы конъюнктива/ирреалиса к категории наклонения, но выделяет отдельную категорию интеррогатива.

³ Поскольку пропозиция, называемая глаголом в индикативе, относится к реальному миру, постольку высказывание с глаголом в индикативе может быть либо истинным, либо ложным. Высказывания с глаголом в форме других наклонений по этому параметру не классифицируются.

от родственных категорий в рамках более обширной сферы модальных значений (сферы «пропозициональной модальности» Палмера [Palmer 2001]) в ряде случаев дает неоднозначные результаты. Так, не имеет однозначного решения и вопрос о разграничении между сферой реалиса / ирреалиса и эвиденциальностью. Действительно, согласно одним авторам [Givón 1982], эвиденциальные выражения попадают в середину шкалы реалиса / ирреалиса, тогда как другие авторы относят показатели косвенной эвиденциальности к сфере ирреалиса, поскольку у них нет презумпции реальности описываемого говорящим события (см. [Narrog 2005], а также, с некоторыми оговорками, [Plungian 2001], где проводится различие между «модализованными» и «не-модализованными» системами эвиденциальности). Таким образом, статус инференциальных форм оказывается неоднозначным не только по отношению к эвиденциальности, с одной стороны, и эпистемической модальности, с другой, но также и в отношении категории ирреалиса. В этой связи описание категории наклонения будет иногда затрагивать и родственные сферы модальности и эвиденциальности. Наконец, пристальное внимание к проблемам морфологических наклонений совершенно естественно, если учесть, что взаимодействие наклонений с другими категориями рассматривается здесь с точки зрения «синтагматического» взаимодействия грамматических категорий, ведущего к ограничениям на совместное употребление или на реинтерпретацию обоих соответствующих категорий (см. раздел 2 ниже). Таким образом, проблемы полисемии отдельных граммем наклонения рассматриваются более подробно в тех случаях, когда они могут разрешаться в конкретных морфологических контекстах, преимущественно предусматривающих определенную интерпретацию.

В настоящей статье мы придерживаемся широкого понимания наклонения как грамматической категории, маркирующей значения из «семантической зоны модальности» [Плунгян 2000]. Наклонения делятся на следующие группы.

- a) Иллокутивные наклонения, выражающие речевые акты повеления (императивы), вопроса (интеррогативы), утверждения (аффирмативы) и прочие. Наиболее часто среди них грамматикализуется повелительное наклонение, реже грамматикализуется интеррогатив (ср. вопросительное наклонение в эскимосском) и аффирматив (ср. утвердительное наклонение в нанайском в примере (6))⁴.
- b) Модальные наклонения, выражающие значения возможности и необходимости в деонтическом плане (ср. должностовательное наклонение в эвенском языке: *eme-nne-s* [приходить-NECESS-2SG] 'ты должен прийти').
- c) Модальные наклонения, выражающие значения возможности и необходимости в эпистемическом плане (ср. вероятностное наклонение в эвенском языке: *eme-mne-n* [приходить-PROB-3SG] 'он, наверное, придет').
- d) Наклонения со значением реальности / ирреальности. В европейских языках наклонения ирреальности выражаются формами конъюнктива / субъюнктива, которые, однако, имеют ряд синтаксических ограничений (предпочтительное употребление в зависимых предложениях), делающих их малотипичными представителями этой категории в типологическом плане. Более представительными в типологическом плане являются формы реальных / ирреальных наклонений в австронезийских языках, обсуждаемые в работах [Elliott 2000] и [Урманчиева 2004] (см. раздел 2.2).

Как было указано выше, не все из этих значений могут быть надежно отграничены друг от друга: так, формы деонтической и эпистемической модальности часто получают одинаковое выражение (ср. модальные глаголы в европейских языках) и не всегда однозначно интерпретируются [van der Auwera, Plungian 1998]. В ряде случаев граница между деонтическими наклонениями и иллокутивами оказывается зыбкой (см. ниже о связи деонтической модальности с императивами), а эпистемические формы сложно отличить от форм ирреальности.

⁴ Формы индикатива (изъявительного наклонения) не следует путать с формами аффирматива, поскольку первые (в отличие от вторых) могут использоваться для выражения разных речевых актов, включая вопросительные.

Проблему взаимодействия грамматических категорий вообще, которую В. А. Плунгян справедливо считает одной из наименее разработанных в теории грамматики [Плунгян 2011: 73], и взаимодействия наклонения с грамматическими категориями в частности можно рассматривать с различных точек зрения. В настоящей статье мы в соответствии с подходом Санкт-Петербургской типологической школы (см., например, [Храковский 1990; 1996; Malchukov 2009; 2011]) главное внимание уделяем «синтагматическому взаимодействию» грамматических категорий, в особенности взаимодействию отдельных **граммем** (т. е. значений тех или иных категорий). Этот подход учитывает не только ограничения сочетаемости, но и случаи реинтерпретации граммем в определенном морфологическом контексте⁵. В рамках этого подхода индуцирующая реинтерпретацию граммема называется **доминантной**, а граммема, которая подвергается реинтерпретации, **рецессивной** [Храковский 1990].

Сочетаемость отдельных граммем зависит от целого ряда факторов [Malchukov 2011]. Один из них — фактор **функциональной совместимости**. Например, в работе [Храковский 1990] делается вывод, что императив выступает в качестве доминантной граммемы в отношении других граммем глагола в связи с тем, что он может вызывать реинтерпретацию или блокировать выражение видо-временных категорий. Такая реинтерпретация регулярно возникает в контекстах, где сочетание соответствующих граммем функционально недопустимо по семантическим и/или прагматическим соображениям. Другой фактор — **маркированность**. Речь здесь идет, в частности, о «дистрибутивной маркированности» в терминах Крофта [Croft 2003], более конкретно о редуцированном флективном потенциале (inflectional potential) у маркированных граммем. Предсказывается, что для маркированных граммем (маркированных членов привативных оппозиций) характерна более ограниченная сочетаемость с граммемами других категорий («the number of cross-cutting inflectional distinctions of the unmarked gram is larger as compared to the marked one» [Ibid.: 95—97])⁶. Среди других аспектов (или критериев) маркированности⁷, для рассматриваемой проблематики также важны отношения формальной маркированности (нулевое / ненулевое маркирование), описываемое ниже как следствие фактора экономии, а также отношения **частной** (избирательной) **маркированности** (local markedness; [Croft 1990]). Частная маркированность⁸, понимаемая как маркированность граммемы по отношению к ее (морфологическому, лексическому или синтаксическому) контексту, связана с дистрибутивной маркированностью, с одной стороны, и с функциональной совместимостью, с другой, и лежит в основе иерархии маркированности, подобной той, которая рассмотрена в разделе 6.

Другим фактором, имеющим общетипологическую значимость, является **релевантность**: характеристика ситуации (в видовом, временном и прочих планах) менее релевантна

⁵ Как следует из изложенного, основное внимание уделяется фактам морфологического взаимодействия категорий. Мы также упоминаем взаимодействие в пределах аналитических форм, когда те или иные значения выражаются вспомогательными глаголами, а не морфологическими показателями. Предполагается, что в обоих случаях взаимодействие значений регулируется сходными функциональными факторами, однако в случае морфологического взаимодействия оно подвержено существенным ограничениям и лучше прослеживается в существующих описаниях языков.

⁶ Яркий пример действия этого фактора приведен И. А. Мельчуком [Мельчук 1998: 26]: в корякском языке падежные формы различаются только в единственном числе (немаркированном члене числовой оппозиции), а формы числа различаются только в абсолютиве (немаркированном члене падежной парадигмы).

⁷ Хаспельмат [Haspelmath 2006] обсуждает 12 различных пониманий маркированности (нулевое выражение, фонетическая сложность, семантическая сложность, частотность в употреблении, типологическая частотность и др.) и показывает, что большинство из них обусловлены частотностью в употреблении.

⁸ Примером частной (избирательной) маркированности («local markedness», иначе «markedness reversal» [Tiersma 1982; Croft 1990: 135]) является маркирование форм единственного (а не множественного) числа у имен с собирательным значением (ср., сингулятивы типа *горош-ин-а*) или наличие немаркированного (нулевого) локатива у имен-топонимов.

для действий неосуществившихся, чем для действий осуществленных. Этим объясняется, например, характерная для отрицательных форм тенденция редуцировать свою видо-временную парадигму (если сравнивать ее с парадигмой, представленной у утвердительных форм [Aikhenvald, Dixon 1998]).

Еще один фактор — **избыточность**. Язык избегает выражения избыточных значений, следуя принципу экономии. Если семантическая аномальность объясняет недопустимость сочетания императивов с формами прошедшего времени, то избыточность ограничивает сочетаемость форм императива с показателями будущего времени, выражение которого является избыточным в контексте императивных форм. В работе [Malchukov 2011] рассматривается ряд других, в том числе диахронических, факторов, от которых зависит взаимодействие грамматических категорий. Не все из этих диахронических факторов поддаются обобщению. Те из них, которые являются типологически значимыми, в синхронном плане обнаруживаются в частотных моделях полисемии (например, деонтические формы развивают значение императива). В настоящей работе, нацеленной на случаи синтагматического взаимодействия, подобные факты полисемии последовательно не рассматриваются, но упоминаются для полноты картины. Не являясь очевидными случаями синтагматического взаимодействия, они тем не менее оказываются показательными в плане «удачных» (оптимальных), а не «неудачных» (аномальных) сочетаний: значение одной граммемы интерпретируется (в минимальном контексте) как значение граммемы другой категории. Таким образом, здесь речь идет не о запретах, а о предпочтениях комбинирования грамем отдельных грамматических категорий, которые приводят к регулярным моделям полисемии или кумуляции категорий.

Ниже приводятся примеры влияния отдельных факторов на употребление категории наклонения; более подробные сведения об этих факторах и способах их взаимодействия приводятся в указанной работе [Malchukov 2011].

Изложение в настоящей статье строится следующим образом. Раздел 2 посвящен взаимодействию показателей наклонения с показателями модальности, а также другим случаям взаимодействия в рамках более широкой сферы модальности (или «пропозициональной модальности») [Palmer 2001]. В этом разделе рассматривается взаимодействие иллокутивных наклонений с показателями деонтической и эпистемической оценки, с одной стороны, и с формами (ир)реалиса с другой. В последующих разделах мы рассматриваем случаи взаимодействия наклонения с категориями времени (раздел 3), вида (раздел 4), отрицания (раздел 5) и лица (раздел 6). В заключении (раздел 7) обобщаются сведения о факторах, управляющих взаимодействием наклонения с другими категориями.

2. Взаимодействие наклонения и модальности (в широком смысле)

2.1. Взаимодействие иллокутивных наклонений и значений деонтической и эпистемической модальности

В этом разделе пойдет речь о связи значений наклонения и модальности, особенно в плане диахронии, что необходимо при решении вопроса о разграничении и тех и других значений. В частности, мы рассмотрим вопрос о связи между значениями деонтической модальности и императива. Так, в работе [Palmer 1986] высказывается мысль о том, что и те и другие принадлежат одной и той же сфере модальности, а именно, что «императив представляет собой немаркированный или нейтральный член в рамках деонтической системы или, по крайней мере, в рамках подсистемы директивных значений»⁹. Большинство других авторов указывают на различия между значениями императива и значениями деонтической модальности, утверждая, что их связь более заметна в плане диахронии, так как

⁹ «...the imperative is the unmarked or neutral term within the deontic system, or at least within the sub-system of directives» [Palmer 1986: 30].

императивные / побудительные показатели могут формироваться на основе показателей деонтического долженствования [Bybee et al. 1994: 240; van der Auwera, Plungian 1998: 94]. Например, в языке нкоре-кига [Taylor 1985] императив еще может использоваться в деонтическом значении — в частности, при окказиональном употреблении в составе вопросительных предложений:

- (1) нкоре-кига [Taylor 1985: 163]
N-kingy-e amadirisa?
 1SG-закрывать-IMP окно.PL
 ‘Мне (надо) закрыть окна?’

Традиционно такую эволюцию значения рассматривают как результат прагматического усиления (pragmatic strengthening): утверждение долженствования по отношению к слушающему вполне может восприниматься как повеление [Bybee et al. 1994; van der Auwera, Plungian 1998]; см. также [Traugott 2006], где приводится общий анализ роли имплицатур в процессе формирования категорий модальности. С другой стороны, показатели эпистемической возможности и долженствования могут эволюционировать в сторону формирования показателей интеррогатива. Этот сценарий документирован в меньшей степени, однако и он отмечается в ряде языков, включая язык хишкарьяна ([Palmer 1986: 55], цитируется по [Derbyshire 1979: 143—145]) и шведский язык (см. [van der Auwera, Plungian 1998: 110] о шведской диалектной форме *tänne* ‘будет’, ‘вероятно’, ‘ли’, получившей распространение и в вопросительных контекстах). Для иллюстрации подобной полисемии мы приводим пример из ненецкого языка, где показатель гипотетического наклонения *-ku* используется в вопросительной функции:

- (2) ненецкий язык [Люблинская, Мальчуков 2007: 449]
ŋamge=va ŋeleka tan'a-na-ky?
 что=CLIT чудовище.NOM быть-PRES-HYPOTH
 ‘Это чудовище?’ (букв. ‘Это, наверное, какое-то чудовище’).

Таким образом, и этот вид полисемии можно отнести на счет имплицатуры: заявление об отсутствии уверенности в данном состоянии дел понимается как приглашение слушающему подтвердить или опровергнуть его истинность (т. е. как вопрос).

2.2. Взаимодействие иллокутивных наклонений и реалиса / ирреалиса

В этом разделе пойдет речь о смысловой связи иллокутивных наклонений и самостоятельной категории реалиса / ирреалиса, что позволяет одной категории выступать вместо другой. Приведенные в разделе 2.1 примеры иллюстрируют случаи связи между модальными и иллокутивными значениями. Однако сходным образом взаимодействуют и показатели реалиса / ирреалиса, что неудивительно, если учесть, что различия между эпистемическими показателями и показателями ирреалиса весьма тонки, и статус некоторых гипотетических форм однозначно определить невозможно (во всяком случае, на основе вторичных источников). Вместе с тем, по крайней мере, в некоторых языках, где функционируют полноценные формы реалиса / ирреалиса, можно обнаружить случаи нетривиального взаимодействия между формами ирреалиса и недекларативных наклонений [Elliott 2000]; см. также [Mithun 1995; Palmer 2001; Урманчиева 2004]. Например, в ряде языков, о которых идет речь в работе [Elliott 2000], показатели ирреалиса используются для выражения императива; см. следующие примеры из языка маунг:

- (3) язык маунг [Capell, Hinch 1970: 67]
 а. *ŋi-udba-Ø*.
 1SG-класть-PRES.IND.R
 ‘Я кладу’.

- b. *g-udba-nji!*
 2SG-класть-IRR
 ‘Положи это!’

В языках мира использование показателей ирреалиса в императивных контекстах распространено довольно широко, что подтверждает недавно вышедшая работа [van der Auwera, Devos 2012]. В некоторых других языках, например, в языке каддо, показатели ирреалиса используются в общевпросительных предложениях (polar questions):

- (4) язык каддо [Chafe 1995: 354]
Sahʔ-yi-bahw-nahʔ
 2.агнс-IRR-видеть-PERF
 ‘Ты (его) видел?’

В указанной работе использование показателей ирреалиса в общевпросительных предложениях в языке каддо объясняется тем, что общий вопрос предполагает отсутствие у говорящего знания о том, имело ли данное событие место в действительности¹⁰. Эта трактовка позволяет также объяснить, почему в языке каддо ирреалис стандартно употребляется в отрицательных предложениях:

- (5) язык каддо [Chafe 1995: 355]
Kúy-t'a-yi-bahw.
 NEG-I.агнс-IRR-видеть
 ‘Я (его) не вижу’.

Последний пример, однако, несколько отличается от других, поскольку здесь речь идет о синтагматическом взаимодействии, когда отрицание требует употребления показателей ирреалиса (а не сам показатель ирреалиса выражает значение отрицания). В терминах Палмера [Palmer 2001], в языке каддо действует «объединенная» система («joint system») маркирования реалиса/ирреалиса, при которой употреблением показателя реалиса/ирреалиса управляет морфологический контекст, а в языке маунг — «разъединенная система» («non-joint system»), при которой показатель ирреалиса сам по себе выражает иллокутивные значения. Действительно, с функциональной точки зрения совместное выражение значений императива и ирреалиса оказывается избыточным, что может вести к реинтерпретации одной из граммем. Например, в западногренландском эскимосском языке и в языке джамуль типичай сочетания императивных форм с показателями ирреалиса служат для выражения вежливого императива [Гусев 2005: 63; Aikhenvald 2010: 143].

2.3. Взаимодействие иллокутивных наклонений и эвиденциальности

Хотя взаимоотношения эвиденциальности и наклонения кажутся более опосредованными, эти категории демонстрируют взаимодействие двух различных типов. С одной стороны, наблюдается синтагматическое взаимодействие. Так, отмечается, что в не-декларативных наклонениях значения эвиденциальности могут нейтрализоваться [Aikhenvald 2004: 242—255]. Это явление можно отнести на счет эффекта маркированности или на счет фактора «релевантности» [Malchukov 2011]: эвиденциальная квалификация (еще) не совершенного действия менее актуальна; ср. [Givón 1982; Narrog 2005]. С другой стороны, по предположению Палмера [Palmer 1986: 85—88], в системе эвиденциальных значений некоторых языков формы непосредственной эвиденциальности («информация

¹⁰ Подобного мнения придерживается и И. А. Мельчук [Мельчук 1998: 147—150], который относит значения декларатива/интеррогатива и утверждения/отрицания к одной и той же категории логического статуса высказывания.

из первых рук») выражают значение декларатива (ср. его квалификацию форм «визуальной эвиденциальности» в языке туюка как форм «маркированного декларатива»). Несмотря на то, что данная интерпретация может вызывать возражения, в других случаях удается показать диахроническую связь между показателями эвиденциальных и иллокутивных значений. В работах [Мальчуков 1999; Malchukov 2000] приводится описание эволюции глагольных форм в тунгусских языках, где причастные формы начинают вытеснять более архаичные формы индикатива. В плане прошедшего времени перфектное причастие начинает выражать вначале значение косвенной эвиденциальности в прошедшем (как в удэгейском языке), а затем — значение общего прошедшего времени (как в нанайском языке), что соответствует обычному направлению грамматикализации граммом перфекта; см. [Bybee et al. 1994]. Большой интерес в данном случае представляет собой параллельная эволюция форм финитного глагола: исторически более ранние формы индикатива прошедшего времени вначале приобретают значение прямой эвиденциальности (как в удэгейском языке, где они противопоставлены формам косвенной модальности), а в нанайском языке они подвергаются дальнейшей маргинализации и приобретают функцию эмфатического утверждения:

(6) нанайский язык [Аврорин 1962: 105], цитируется в [Мальчуков 1999; Malchukov 2000]

- a. *Mi un-kim-bi.*
я.NOM говорить-PERF.PART-1SG
'Я сказал'.
- b. *Mi un-ke-i.*
я.NOM говорить-PAST-1SG
'Я же сказал'.

В работе [Аврорин 1962] значение глагольных форм в (6b) характеризуется как «утвердительное наклонение» в противоположность формам «изъявительного наклонения», образованным от причастий, см. (6a). Сходные процессы имеют место в ряде славянских балканских языков (в болгарском, македонском), где также идет обновление временной системы глагола за счет форм причастного происхождения [Friedman 2000]; ср. [Malchukov 2000]. Например, в болгарском языке образуемое на основе причастия «прошедшее неопределенное», выражающее значения косвенной эвиденциальности (информация «с чужих слов») эволюционирует в сторону показателя немаркированного прошедшего времени, а глагольные формы «определенного прошедшего времени» приобретают значение засвидетельствованной эвиденциальности. Как отмечено в работе [Friedman 2000], в болгарском языке засвидетельствованные формы не употребляются в гипотетических контекстах (с наречиями типа 'возможно'), что свидетельствует об их модализации. В обоих случаях эволюция эвиденциальных форм в показатели «фактивного» наклонения (подтверждающие реальность описанного глаголом события) являет собой побочный результат обновления глагольной системы. Этот сценарий, связанный с модализацией исходно нейтральных индикативных форм, также напоминает эволюцию показателей сослагательного наклонения в ряде других языков (в восточно-армянском, хинди/урду, фарси, каирском арабском) из показателей «старого настоящего времени» («old presents»), вытесненных из индикативных употреблений недавно образованными формами [Haspelmath 1998]; ср. [Bybee et al. 1994: 231—236].

Есть и другие примеры, свидетельствующие о наличии связи между эвиденциальностью и иллокутивными наклонениями. Так, в работе [Aikhenvald 2004: 109] приводится пример из языка фокс (семья алгонкин), где вопросительная форма («plain interrogative») употребляется в значении косвенной эвиденциальности (или, скорее, умозаключения). Этот пример, возможно, следует интерпретировать сходным образом как результат эволюции показателей нефактивности/инферентива в показатели интеррогатива (см. пример из немецкого языка (2) выше), даже если в последнем случае вопросительная функция показателя представляется первичной.

3. Взаимодействие категорий наклонения и времени

Ниже мы проанализируем взаимодействие наклонения и времени, рассматривая императив в качестве основного представителя иллюкутивных наклонений, а конъюнктив или лучше ирреалис в качестве основного представителя ирреальных наклонений. Кроме того, рассматриваются случаи взаимодействия с категорией времени и некоторых других наклонений и форм, претендующих на статус наклонения.

3.1. Взаимодействие императива и времени

Как показывают многочисленные примеры из лингвистической литературы [Бирюлин, Храковский 1992; Xrakovskij 2001; Schalley 2008; Aikhenvald 2010; Гусев 2013], даже если в том или ином языке выражаются различные значения времени, они обычно выражаются в индикативе, но отсутствуют в формах императива. И это не удивительно, если учесть, что повелительный речевой акт, естественно, относит действие к плану будущего. Соответственно, в языках, где формы императива способны выражать темпоральные значения, они обычно относятся к плану будущего времени, как, например, в языках с противопоставлением немедленного и отсроченного императива, ср. в эвенском:

- (7) эвенский язык [Malchukov 2001: 172]
 а. *Hör-li!*
 идти-IMP.2SG
 ‘Иди (сейчас)!’
 б. *Hör-de-j!*
 идти-DIST.IMP-REFL.SG
 ‘Иди (позже)!’

Более того, это различие значений нередко модализируется. При этом дистантный императив, как и следует ожидать, воспринимается как имеющий более вежливое значение, чем императив немедленный, поскольку последний предполагает более высокую степень контроля говорящего над адресатом и, соответственно, более высокую степень принуждения; ср. [Aikhenvald 2010: 130—131].

В связи с тем, что императиву внутренне присуща футуральная интерпретация, он обычно несовместим с выражением прошедшего времени [Palmer 1986: 111—112] даже в языках, где время выражается независимо от наклонения. Подобные формы (прошедшее время императива) отсутствуют или подвергаются реинтерпретации [Храковский 1992]. Как правило, реинтерпретацию соответствующей временной формы в большинстве случаев вызывает императив [Храковский 1990]. В качестве другого примера можно привести форму «прошедшего хабитуалиса» на *-grA-* в эвенском языке. Помимо аспектуального (итеративного) значения, эта форма выражает и темпоральное значение, относя обычные действия к плану прошедшего времени. Это темпоральное значение чаще всего отмечается в контексте не-будущих форм, когда действие относится либо к плану прошедшего (у предельных глаголов), либо к плану настоящего (у непредельных глаголов). Однако присоединение показателя хабитуалиса к непредельному глаголу в форме не-будущего времени вызывает его сдвиг в план прошедшего:

- (8) эвенский язык¹¹
 а. *Etiken nulge-n.*
 старик кочевать-AOR.3SG
 ‘Старик кочует’.

¹¹ Эвенские примеры, источник которых не указан, приводятся из полевых записей А. Л. Мальчукова.

- b. *Etiken nulge-gre-n.*
 старик кочевать-HAB-AOR.3SG
 ‘Старик обычно кочевал’.

Притом, что хабиитуалис в большинстве случаев ограничен формами прошедшего (или не-будущего) времени, иногда он встречается и в формах, соотносенных с будущим, в частности, в императиве. Любопытно отметить, что в последнем случае в результате реинтерпретации он получает метафорическое значение ‘как раньше’:

- (9) эвенский язык
Nulge-gre-li!
 кочевать-HAB-IMP.2SG
 ‘Кочуй, как раньше!’

Таким образом, проблема данного функционально аномального сочетания разрешается путем реинтерпретации темпорального показателя в императивном контексте. В соответствии с терминологией В. С. Храковского, в данном случае императив выступает в качестве доминантной категории, а время — в качестве рецессивной. Как показано в работе [Храковский 1996], в роли доминантной категории чаще всего выступает императив, который накладывает ограничения на употребление других категорий или вызывает их реинтерпретацию. Вместе с тем, как показывает пример из сирийского диалекта арабского языка, императив иногда может выступать и в качестве рецессивной категории.

- (10) арабский язык (сирийский диалект) [Cowell 1964: 361], цит. по [Palmer 1986:112]
Kənt kōl lamma kənt fəl-bēt.
 ты.был есть.IMP когда ты.был в-доме
 ‘Тебе нужно было поесть, когда ты был дома’.

В данном случае (прошедшее) время, выраженное вспомогательным глаголом, выступает в качестве доминантной категории, а императив — в качестве рецессивной.

Сходные тенденции, указывающие на преференции императива по отношению к временным значениям, можно обнаружить, наблюдая, как различные временные формы используются в императивных значениях. В наиболее подробном исследовании на эту тему [Гусев 2013] отмечается, что в большинстве подобных случаев в функции показателей императива выступают формы будущего времени, а формы настоящего времени (как, например, в языке науатль) и особенно прошедшего времени выступают в этой роли исключительно редко. Встречающиеся случаи употребления форм прошедшего времени в императивном значении (как, например, фиксируемое в русском языке *Пошел!*) можно отнести на счет признака перфективности, связанного с императивным значением (см. 4.1 ниже).

3.2. Взаимодействие ирреалиса и времени

Взаимодействие форм ирреалиса с показателями времени происходит по несколько иной модели, вызывая нейтрализацию временных значений в формах ирреалиса. Подобную нейтрализацию можно объяснять маркированным статусом граммы ирреалиса (конъюнктива) в категории наклонения или же относить на счет фактора «релевантности»: обозначение времени менее релевантно для характеристики событий, которые не имели места [Malchukov 2011]; также см. [Aikhenvald, Dixon 1998], где частое отсутствие противопоставления временных значений в отрицательных предложениях объясняется сходным образом. В качестве иллюстрации можно привести язык нкоре-кига, где в индикативе различается десять времен, но в конъюнктиве временная парадигма сокращается до двух показателей, а в императиве исчезает вовсе [Taylor 1985: 154]. В обобщающей главе сборника, специально посвященного категориям наклонения в европейских языках [Thieroff 2010: 19], отмечается, что из 36 описанных в нем европейских языков лишь в двух языках

все времена индикатива выражаются и в конъюнктиве. Сходным образом, временные различия нередко нивелируются в контрфактивных контекстах, а там, где сохраняются, могут подвергаться реинтерпретации и начинают выражать значения реалиса / ирреалиса. Хотя случаи использования форм прошедшего времени в составе показателей нереального условия в отличие от показателей гипотетического условия хорошо известны из европейских языков (*If I were you, I would never do that*), они отмечаются и в других языках; см. отдельные главы в коллективной монографии [Xrakovskij 2005]. Собственно, наблюдаемая во многих языках взаимная несовместимость категории времени с не-индикативными (ирреальными) наклонениями позволила в свое время выдвинуть гипотезу, что время и наклонение следует относить к одной категории [Храковский, Володин 1979].

Помимо синтагматического взаимодействия, накладывающего ограничения на сочетаемость категорий ирреалиса и времени, существует и другой вид взаимодействия, связанный с полифункциональностью. Наличие связи между значениями будущего времени и гипотетическими модальными значениями — факт, хорошо известный в европейских языках. Хотя в европейских языках это связь будущего времени не с категорией наклонения как таковой, а с модальными глаголами, данные австронезийских и папуасских языков, судя по работе [Elliott 2000], показывают, что показатель ирреалиса может использоваться для обозначения будущего времени.

- (11) букийип [Conrad, Wogiga 1991: 282]
 а. *M-a-lpok*.
 1PL-R-сражаться
 ‘Мы сражаемся / мы сражались’.
 б. *M-u-lpok*.
 1PL-IRR-сражаться
 ‘Мы будем сражаться’.

Несколько иной случай взаимодействия представлен в языке автув, где показателем будущего времени маркируется ирреалис, а показателем прошедшего времени — реалис:

- (12) автув [Feldman 1986: 71]
 а. *Rom d-æy-(ka)-m-e*.
 3PL R-уходить-(PERF)-PL-PAST
 ‘Они (уже) ушли’.
 б. *Rom w-æy-ka-me-re*.
 3PL IRR-уходить-PERF-PL-FUT
 ‘Они уйдут’.

Пользуясь терминами Палмера [Palmer 2001], язык букийип демонстрирует «разъединенную систему» («non-joint use of irrealis markers») употребления показателей ирреалиса, в рамках которой они могут дополнительно выражать собственные иллокутивные и модальные значения, а в языке автув действует «объединенная система» («joint system») маркирования значений (ир)реалиса, которые зависят от сопутствующих категорий.

Следует отметить, что будущее относится к ирреалису не во всех языках, обладающих системой маркирования реалиса / ирреалиса. В некоторых языках противопоставление форм реалиса и ирреалиса выбирается в зависимости не от времени, а от утвердительного или отрицательного статуса (см. 5.2 ниже). В других языках к сфере реалиса могут относиться лишь определенные виды действий в будущем: например, в языке помо [Mithun 1995] определенное будущее входит в сферу реалиса, а неопределенное — в сферу ирреалиса. В целом, семантическая связь между будущим временем и ирреалисом очевидна: нефактивность будущих событий естественным образом относит их к сфере ирреалиса.

Более сложным оказывается отношение других временных форм к значениям модальности и реалиса / ирреалиса. Согласно одному, весьма радикальному, подходу, временные формы сами по себе в основном имеют модальную природу (ср. также концепцию Лайонза

[Lyons 1977], в соответствии с которой время представляет собой вид наклонения). По мнению Тироффа [Thieroff 2004], в европейских языках не только будущее, но и прошедшее время выполняет модальную функцию, поскольку его показатели употребляются в контекстах, типичных для ирреалиса (например, в составе показателей контрфактивного условия). Это мнение перекликается и со взглядами других лингвистов [James 1982; Fleischman 1989], которые объясняют использование показателей прошедшего времени для выражения ирреалиса в терминах «диссоциации с реальностью» («dissociation from reality»). Вместе с тем, как указывает Байби [Bybee 1995], подобная модализация прошедших времен возможна лишь в определенных контекстах (например, при употреблении модальных глаголов), что позволяет описывать такие случаи и в рамках предлагаемой нами концепции взаимодействия. Действительно, многие примеры из германских и романских языков, приводимые Тироффом [Thieroff 2004: 68 ff.] для иллюстрации употребления показателей прошедшего времени в модальных значениях, можно рассматривать как случаи выделяемых нами аномальных сочетаний, в которых граммы прошедшего и будущего времени выступают в комбинациях, но различаются сферой действия. Либо граммма прошедшего времени включает грамму будущего в свою сферу действия (*He knew that she would come*), либо наоборот (*She will have had dinner by now*). Притом, что о семантической аномальности здесь говорить не приходится, подобные сочетания являются прагматически ущербными (мало-частотными — несут малую функциональную нагрузку) при чисто временной интерпретации и потому склонны к (модальной) реинтерпретации. Подобные случаи реинтерпретации комбинаций, которые выглядят как сочетание показателей прошедшего и будущего времени в составе одной глагольной словоформы, встречаются и в других языках. Например, в немецком языке сочетание суффикса будущего времени с энклитикой прошедшего времени реинтерпретируется как показатель ирреалиса:

- (13) немецкий язык [Люблинская, Мальчуков 2007: 445]
Manzara-nggu-s’
работать-FUT-PAST
‘(Он/она) бы работал(а) (но...)’

В работе [Malchukov 2011] этот пример квалифицирован как случай «симметричного» взаимодействия в составе аномального сочетания, которое разрешается путем сдвига значений (реинтерпретации) у обеих грамм.

3.3. Случаи взаимодействия со временем других наклонений

Поскольку взаимодействие показателей иллокутивных значений и показателей времени зависит от функции конкретных грамм, оно оказывается неоднородным для различных речевых актов. Так, речевые акты, ориентированные в будущее (например, выражающие намерение или предупреждение), в основном ведут себя подобно императиву и соответствующим образом взаимодействуют с категорией времени. Например, в эвенском языке существует особое «превентивное» (форма предупреждения, apprehensive) наклонение с показателем *-kA-*, выражающим предостережение [Malchukov 2001]. Важно отметить, что это наклонение обычно выступает в комбинации с показателем будущего времени:

- (14) эвенский язык [Malchukov 2001]
Tik-č̣i-ke-s!
падать-FUT-PREV-2SG
‘Смотри, упадешь!’

Превентивные формы настоящего времени (без показателя будущего) еще ограниченно используются в ряде эвенских диалектов, но в большинстве диалектов уже вышли из употребления [Malchukov 2001].

С другой стороны, вопросительные наклонения, существующие в таких языках, как эскимосский, не ограничивают сочетания с показателями времени; см. примеры и анализ в [König, Siemund 2007]. Языки, в которых употребление вопросительного наклонения ограничено планом прошедшего времени, встречаются довольно редко, хотя подобные случаи отмечаются в некоторых самодийских языках, в том числе в ненецком.

(15) ненецкий язык [Мельчук 1998: 152]

- a. *Manzara-na-s'*.
работать-2SG-PAST
'Ты работал'.
- b. *Han'ana manzara-sa-n?*
где работать-PAST.INT-2SG
'Где ты работал?'

4. Взаимодействие категорий наклонения и вида

4.1. Взаимодействия императива и вида

Выше отмечалось наличие ограничений на употребление императивных форм с показателями времени: в большинстве языков императив не выражает временных значений, так как одни значения времени (прошедшее) в императивном контексте аномальны, а другие (будущее) — избыточны. Как показано в работе [van der Auwera et al. 2009], взаимодействие императива с категорией вида носит более сложный характер. В принципе, императивные значения вполне сочетаются с планом перфектива и имперфектива, в связи с чем языки с флексивной категорией вида обычно сохраняют в ней и показатели императива. Примером может служить русский язык, где употребляются формы императива несовершенного и совершенного вида:

- (16) a. *Пиши письмо!*
- b. *Напиши письмо!*

Сказанное справедливо и для языков с менее грамматикализованной категорией вида, которая также может выражаться императивными формами.

И все же, как отмечено в указанной публикации, аспектуальные различия, маркируемые в индикативе, не всегда полностью переносятся в императив: чаще избирается лишь одна форма. При этом может выбираться аспектуальная форма либо имперфектива (как, например, в фарси), либо перфектива (как, например, в представленных ниже примерах из языка кьянг). В первом случае за таким выбором, возможно, стоит наличие диахронической связи между граммемами имперфектива и будущего времени, а второй случай требует отдельного разъяснения. В работе [van der Auwera et al. 2009] такое ограничение предлагается относить на счет характерной для императивов общей **перфективной преференции**, которая проявляется в том, что повелительные речевые акты обычно включают поручение осуществить данное событие и не фокусируют внимание на темпоральной структуре события, что характерно для имперфективного ракурса. Наиболее четко перфективная преференция проявляется в языках типа языка кьянг, где в императиве употребляется показатель перфектива несмотря на то, что он представляет собой форму маркированную (за счет пространственных приставок).

- (17) язык кьянг (тибето-бирманский [LaPolla, Chenglong Huang 2003: 173])
ə-z-na!
DIR-есть-IMP
'Ешь!'

В русском языке также отмечается частичная нейтрализация аспектуальных различий в императиве [Храковский 1996]. Хотя в русском императиве могут употребляться

и перфективные, и имперфективные формы (см. выше), в отличие от имперфективных форм индикатива, основной функцией которых является выражение длительного действия, в императиве употребление показателей несовершенного вида не обязательно связано с этим значением ('Продолжай V!'). Например, в отличие от форм индикатива несовершенного вида (*Пишет письмо*), императивная форма несовершенного вида *пиши* (16а) крайне редко означает, что адресат уже находится в процессе написания письма ('продолжай выполнение действия')¹². Сказанное может означать, что императив вообще ближе к значению перфектива, чем к значению имперфектива, поскольку он нацелен не на сам процесс выполнения повеления, а на достижение указанного результата. Перфективная преференция в значении императивов также обнаруживается у показателей деонтической модальности в ряде языков, где они преимущественно сочетаются с перфективными глаголами; см. ниже в разделе 4.2.

Как показано в работе [van der Auwera et al. 2009], формальная маркированность является еще одним фактором, который способствует выбору аспектуальных форм императива. Так, при прочих равных условиях в случае нейтрализации выбирается немаркированная видовая морфема. Этим, вероятно, можно объяснить и необычное поведение отрицательного императива в русском языке. Как хорошо известно [Храковский, Володин 1986: 147—154], в русском языке прохибитив регулярно выражается императивами несовершенного вида, а отрицательные императивы совершенного вида получают превентивную интерпретацию (выражение предостережения):

- (18) а. *Не делай этого!*
б. *Смотри, не сделай ошибки!*

Та же модель отрицания с перфективными императивами со значением предостережения отмечается в венгерском (где перфектив также выражается префиксами) и китайском языке (перфективный суффикс *le*). И в этих случаях можно усматривать реинтерпретацию маркированной аспектуальной формы в контексте нейтрализации.

Примечательно также, что нейтрализация более заметна в случае употребления отрицательных императивов (прохибитивов), чем положительных, поскольку имперфективные и перфективные формы императива в контексте отрицания логически эквивалентны [Padučeva 2008]¹³. Хотя это и не объясняет причину, по которой выбор в контексте нейтрализации падает на несовершенный вид, но ею, очевидно, является маркированность. Если принять общее мнение, согласно которому имперфектив является функционально немаркированным видом [Jakobson 1957; Бондарко 1971; Мельчук 1998], то неудивительно, что в отрицательных императивах он выбирается по умолчанию, а функционально маркированная форма перфектива подвергается реинтерпретации.

4.2. Взаимодействие ирреалиса и вида

Взаимодействие наклонений ирреалиса с категорией вида может подлежать тем же ограничениям, о которых упоминалось выше в связи с категорией времени. В обоих случаях в наклонениях ирреалиса число аспектуально-временных значений часто уменьшается, что можно отнести на счет дистрибутивной маркированности (сокращение парадигмы у маркированной грамлеммы) или на счет «релевантности» (необязательность аспектуальной

¹² Эта нейтрализация, однако, носит лишь частичный характер, поскольку императив сохраняет остаточные аспектуальные различия. Так, в случаях, когда действие продолжается, употребляются лишь формы императива несовершенного вида. Точно так же предпочтительным является употребление формы несовершенного вида в ситуациях, когда действие вот-вот состоится или все этапы подготовки к нему завершены: если слушающий уже стоит на пороге, то употребляется форма несовершенного вида *Заходи!*, а не форма совершенного вида *Зайди!* [Бирюлин, Храковский 1992: 33; Падучева 1996: 66 и сл.].

¹³ «In fact, in order to say that an action is forbidden, it is sufficient to say this about an activity that leads to this action» [Padučeva 2008: 205].

характеристики несовершившегося действия). Подобная нейтрализация не ограничивается формами ирреалиса (конъюнктива), но, в известной мере, характерна и для иллюкутивных наклонений, включая императив. Например, в языке коромфе [Rennison 1997] четырехсторонней видо-временной оппозиции в индикативе (между аористом, прошедшим временем, дуративом и прогрессивом) противопоставлена лишь одна оппозиция между немаркированной формой и дуративом в императиве. В санскрите формы императива и опатива производны от основ настоящего времени и имперфектива [Kulikov 2001]. Первоначально наклонения ирреалиса могли также возникать от основ аориста и перфекта, однако последние формы исчезли, что привело к нейтрализации аспектуальных различий. В баскском языке в конъюнктиве отсутствует различие видовых форм [Saltarelli 1988: 230]. А в цахурском языке (Дагестан) видовая оппозиция обязательна в («референтных») наклонениях реалиса, факультативна в гипотетических наклонениях и отсутствует в нефактивных наклонениях [Майсак, Татевосов 1998]. Примечательно, что Майсак и Татевосов также апеллируют к понятию релевантности для объяснения указанного постепенного нивелирования аспектуальных различий в цахурском языке.

Еще один случай взаимодействия модального значения и аспекта связан с выбором между деонтическим и эпистемическим прочтением в зависимости от аспекта; см. известные примеры из английского типа *He must leave* 'Он должен уехать' (деонтическое толкование) — *He must be leaving* 'Он, должно быть, уезжает' (эпистемическое толкование), которые имеют параллели в других языках ([Abraham, Leiss 2008]; о связи перфективных контекстов с деонтической модальностью, а имперфективных с эпистемической в славянских языках см. [Wiemer 2001]). Хотя модальные глаголы, выражающие деонтическую модальность, в нашей статье, посвященной наклонению, специально не обсуждаются, подобные случаи заслуживают внимания, поскольку взаимодействие показателей деонтической модальности с категорией вида напоминает взаимодействие императива с категорией вида. Например, как отмечает Е. В. Падучева [Paduceva 2008], в русском языке при отрицании показатели как императива, так и деонтической модальности могут сочетаться лишь с имперфективным инфинитивом:

- (19) а. Ты должен уехать.
б. Ты не должен уезжать (*уехать).

В названной работе нейтрализация значения вида справедливо относится на счет семантической эквивалентности видовых форм в данном контексте, однако в числе факторов, влияющих на выбор имперфективной формы в контексте нейтрализации, Е. В. Падучева не упоминает категорию маркированности. С нашей точки зрения, взаимодействие деонтической модальности и императива с видовыми граммемами описывается сходными правилами в обоих случаях: в контексте семантической эквивалентности выбирается немаркированная форма (несовершенного вида), а маркированная форма, если она вообще возможна, реинтерпретируется (см. также [Abraham, Leiss 2008], где вопрос о связи между значениями отрицания и несовершенного вида рассматривается более подробно).

5. Взаимодействие категорий наклонения и отрицания

5.1. Императив и отрицание

Взаимодействию категорий модальности и отрицания посвящена обширная литература, см., например, [van der Auwera 1996; de Naan 1997], в которой, однако, в основном рассматриваются проблемы не наклонений, а модальных глаголов. В контексте же настоящей работы, описывающей взаимодействие наклонения с другими глагольными категориями, важно отметить, что конструкции с показателями отрицательного императива (прохибитива) нередко строятся «нестандартно» (не в соответствии с принципом композиционности): они либо используют особый показатель прохибитива в сочетании со стандартным показателем императива, либо особую форму императива в сочетании со стандартным показателем

отрицания [Xrakovskij 2001; van der Auwera et al. 2005; König, Siemund 2007; Aikhenvald 2010]. Одна из распространенных моделей связана с использованием в прохибитивных конструкциях форм конъюнктива; см. примеры из испанского языка:

(20) испанский язык [König, Siemund 2007: 310]

- a. *Canta!*
петь.2SG.IMP
'Пой!'
- b. *No cantes!*
NEG петь.2SG.PRES.SBJV
'Не пой!'

Палмер [Palmer 1986: 113] объясняет употребление показателей конъюнктива (а также «юссива») в прохибитивных конструкциях логическими соображениями: «Вероятно, это можно объяснить тем, что отказ дать разрешение логически эквивалентен повелению не совершать действие...»¹⁴. Вместе с тем следует отметить, что употребление показателей конъюнктива не ограничено прохибитивными конструкциями. Как показано в следующем разделе, сочетание показателей конъюнктива/ирреалиса с отрицанием — весьма распространенная модель в языках мира; см. обзор в [Miestamo 2005].

5.2. Ирреалис и отрицание

Результаты ряда типологических исследований [Mithun 1995; Elliott 2000; Урманчиева 2004] показывают, что, наряду с грамматическим временем (отнесенность к будущему), к числу важнейших факторов, обуславливающих употребление показателей ирреалиса, принадлежит отрицание. К языкам, для которых характерно употребление реалиса и ирреалиса, обусловленное «полярностью» высказывания (контекстом утвердительных или отрицательных форм), относится язык каддо; см. выше пример (5) из работы [Chafe 1995]. Еще одним представителем этого типа является язык маунг:

(21) язык маунг [Capell, Hinch 1970], цит. по [Elliott 2000: 77]

- a. *ŋi-udba-ŋ*.
1SG-класть-PAST.R
'Я положил' (плюсквамперфект).
- b. *marig ŋi-udba-nji*.
NEG 1SG-класть-PAST.IRR
'Я не клал'.

Вместе с тем языки ведут себя в этом отношении неодинаково: например, если в языке каддо в контексте отрицания употребляются формы ирреалиса (5), то в центральном помо — формы реалиса; см. [Mithun 1995]. По мнению Митун [Mithun 1995: 380—381], это связано со сферой действия отрицания в отношении операторов реальности: в одних языках отрицается реальность события, а в других, скорее, речь идет об утверждении о его нереальности. Таким образом, в первом случае отрицание включает наклонение в сферу своего действия, а в последнем — наоборот.

Употребление показателей ирреалиса в сфере отрицания напоминает модель, известную из европейских языков, когда выбор между индикативом и конъюнктивом зависит от фактивности придаточного предложения. Палмер [Palmer 1986: 145] предлагает следующее обобщающее определение этой модели: «Конъюнктив употребляется в случаях, когда отсутствует какая-либо уверенность в осуществлении действия, но присутствует либо неуверенность ("может быть"), либо отсутствие полной уверенности ("сомнение") или в ситуации

¹⁴ «The explanation for this is, presumably, that denial of permission is equivalent to giving instructions not to act, since 'Not-possible' is equivalent to 'Necessary-not' in a logical system» [Palmer 1986: 113].

имеется презумпция, что действие скорее всего не осуществится»¹⁵. Ср. следующий пример из французского языка:

- (22) французский язык [Palmer 1986: 145]
Je pense qu'il vient.
 Я думать что=он приходить.3SG.PRES.IND
 'Я думаю, что он придет'.
- (23) *Je ne pense pas qu'il vienne.*
 Я не думать нет что=он приходить.3SG.PRES.SBJV
 'Я не думаю, что он придет'.

Предпочтение отдается конъюнктиву и тогда, когда основной глагол употребляется с отрицанием или отрицание является неотъемлемой частью его семантики. Любопытно отметить, что в работе [Bybee et al. 1994: 221—225] контексты с формами конъюнктива (выражающим значение возможности и т. д.) определяются как «гармоничные» по отношению к глаголам со значением сомнения. Этот подход (и терминология) перекликается с нашим анализом синтагматических взаимодействий с точки зрения «удачных» (естественных) / «неудачных» (аномальных) сочетаний, несмотря на то, что применяется в отношении случаев скорее синтаксической, чем морфологической сочетаемости.

5.3. Тернарное взаимодействие

Любопытный случай тернарного взаимодействия между показателями реалиса / ирреалиса, императива и отрицания приводятся в работе [Elliott 2000]. Как указано выше, в некоторых языках императив трактуется как ирреалис (см. пример (3) из языка маунг), а в других — как реалис. В ряде языков последнего типа употребление показателей реалиса / ирреалиса также зависит от наличия / отсутствия отрицания. Как правило, утвердительные императивы относятся к сфере реалиса, а отрицательные — к сфере ирреалиса; см. примеры из языка ватаман:

- (24) язык ватаман [Merlan 1994: 183]
 а. *Ø-wo gila!*
 2SG-дай же
 'Дай же (это ему)!'
 б. *wonggo yinganu-wo-n warnarr-warang!*
 NEG IRR.2.NONSG.A/ISG.O-давать-NONPST жир_имеющий-ABS
 'Не давай (мне) жирных'.

Эта модель — явный пример «логической» обусловленности форм реалиса / ирреалиса в случаях, когда маркирование ирреалиса связано с контекстом отрицания [Урманчиева 2004]. Труднее объяснить обратный случай, обнаруженный Эллиот. В языке манам и в ряде других австронезийских языков утвердительные императивы маркируются показателями ирреалиса, а отрицательные — показателями реалиса:

- (25) язык манам [Elliott 2000: 77], цит. по [Lichtenberk 1983: 418]
 а. *Go-moanā?o!*
 2SG.IRR-есть
 'Ешь!'
 б. *Móa?i ?u-pére?-i!*
 PROH 2SG.R-терять-3SG.OBJ
 'Не потеряй это!'

¹⁵ «Where there is no degree of positive commitment but either non-commitment as with *be possible*, or negative commitment as with *doubt* (partial negative commitment) or *don't think* (total negative commitment), the subjunctive is used» [Palmer 1986: 145].

Эллиот считает данный случай необычным, отмечая, что «удовлетворительного объяснения этому явлению пока не существует и оно остается темой для дальнейших исследований» [Elliott 2000: 77]. Представляется, однако, что эту модель можно объяснить семантически, исходя из предположения, что семантика ирреалиса предполагает отрицание реалиса. Тогда в отрицательных императивных конструкциях два отрицания просто нейтрализуют друг друга.

Тем не менее на фоне остальных языков мира степень распространения этой модели выглядит маргинальной: недавно опубликованные результаты типологических исследований подтверждают, что в языках мира маркирование ирреалиса в императиве предполагает и его маркирование в прохибитиве [van der Auwera, Devos 2012].

5.4. Наклонение и отрицание: роль диахронии

В заключение настоящего раздела приведем еще один случай диахронически обусловленного взаимодействия между значениями иллюкутивной модальности и отрицания. В нанайском языке [Авrorин 1962] существует особое «очевидное» наклонение. Его любопытная особенность состоит в том, что при нем в принципе невозможно отрицание. При этом очевидно, что маркированность не может быть единственным фактором, определяющим этот запрет, так как остальные (индикативные и не-индикативные) наклонения не предусматривают каких-либо ограничений на сочетаемость с отрицанием. Истинная же причина весьма проста: диахронически формы очевидного наклонения восходят к сочетанию отрицательной формы глагола с эмфатической частицей. Ср. форму «очевидного» наклонения в (26a) и отрицательную форму индикатива в (26b):

- (26) нанайский язык [Авrorин 1962: 115]
а. *Debo-a.ca-i=ka!*
 работать-PAST.AFF-1SG=PTCL
 ‘Я же работал!’ (или букв. ‘Разве я не работал?!’)
б. *Debo-a.ca-i.*
 работать-PAST.NEG-1SG
 ‘Я не работал’.

Эти примеры — яркая иллюстрация роли диахронии в объяснении ограничений в области синтагматического взаимодействия, но также и того, что многие диахронические факторы не поддаются типологическому обобщению.

6. Взаимодействие категорий наклонения и лица: взаимодействие императива и лица

Как отмечается в литературе [Храковский, Володин 1986; van der Auwera et al. 2004; Croft 1990: 149], сочетания показателей императива и лица демонстрируют определенные типологические тенденции. Они представляют иерархию маркированности, в которой формы императива 2 лица маркированы в наименьшей степени (и присутствуют во всех языках), а формы императива 1 л. ед. ч. (а также формы эксклюзива 1 л. мн. ч., в отличие от форм инклюзива 1 л. мн. ч.) маркированы в наибольшей степени. Такие отношения частной (избирательной) маркированности (local markedness) можно представить в форме семантической карты или иерархии, которая позволяет предсказать наличие определенных форм для обозначения различных лиц. В упрощенном варианте эта карта представлена ниже в (27) в виде следующей иерархии, см. [van der Auwera et al. 2004; Schalley 2008; Aikhenvald 2010; Гусев 2013]:

- (27) Иерархия значений лица в императиве
2SG > 2PL > 1PL.INCL > 3SG, PL > 1PL.EXCL, 1SG

Императив ←

Из схемы видно, что чаще всего маркируются специализированными императивными формами (если в языке таковые есть) значения 2 л., а формы 1 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. **эксклюзива** входят в императивную парадигму реже всего. Например, в армянском языке формы императива существуют лишь для 2 л., в эскимосском (западно-гренландском) языке — для 2 и 1 л. мн. ч. инклюзива, в финском — для всех лиц кроме 1 л. ед. ч., а в языке лингала — для всех лиц; более подробно по этой теме см. [van der Auwera et al. 2004]. Важно отметить, что в последнем случае семантически anomальная императивная форма 1 л. ед. ч. (или 1 л. мн. ч. эксклюзива) чаще всего подвергается реинтерпретации. В работе [Malchukov 2001] этот факт был отмечен в эвенском (тунгусском) языке, где в сочетаниях форм 1 л. со «вторым» (дистантным) императивом на *-dA-* доминантной может оказаться и та и другая граммема. С одной стороны, формы на *-dA-* в сочетании с показателем 1 л. ед. ч. стали выражать значение будущего времени. Наличие этой реинтерпретации ясно из того факта, что форма на *-dA-ku* может употребляться в общевпросительных предложениях:

- (28) эвенский язык
а. *Hör-de-j!*
идти-IMP-REFL.SG
'Иди (позже)!'

б. *Hör-de-ku?* *Inge, hör-li-e!*
идти-IMP-1SG ладно идти-IMP-PTCL
'Мне можно идти? Ладно, иди!'

С другой стороны, anomальное сочетание показателя отсроченного императива с показателем 1 л. мн. ч. **эксклюзива** *-(k)un*, обозначающим в других наклонениях ряд лиц, из числа которых исключается слушающий (ср.: *Hör-ri-vun* 'Мы уехали (без тебя)' и *Hör-ri-t* 'Мы уехали (с тобой)'), вызывает реинтерпретацию значения личного показателя. У последнего появляется **инклюзивное** значение, с семантической точки зрения более «удачное», совместимое с функцией повелительного речевого акта:

- (29) эвенский язык
Hör-de-kun!
идти-IMP-1PL.EXCL
'Пошли!'

Однако чаще всего формы императива 1 л. ед. ч. в языке отсутствуют [Бирюлин, Храковский 1992: 30; van der Auwera et al. 2004]. Так, в финском языке это единственная форма, которая не представлена в императивной парадигме. Специализированная форма 1 л. ед. ч. императива отсутствует и в тюркских языках [Храковский 1996: 39]. Подобное варьирование характерно для anomальных сочетаний: такие формы либо вовсе отсутствуют в парадигме, либо подвергаются реинтерпретации.

Вместе с тем следует отметить, что запрету («blocking» [Malchukov 2011]) могут подвергаться не одни лишь anomальные сочетания, но также и самые естественные и высокочастотные комбинации грамматических значений, причем по прямо противоположным основаниям, а именно по причине их избыточности. В литературе неоднократно отмечалось (см. [Храковский 1992] и последующие работы), что, особенно в языках с усеченной парадигмой императива, предпочтение отдается не независимому, а кумулятивному выражению форм императива 2 лица. Таким образом, принцип экономии налагает запрет на **поверхностное** выражение соответствующих значений двумя отдельными (ненулевыми) показателями и, напротив, стимулирует их кумулятивное выражение.

7. Заключение

В Заключении обобщим выводы, которые касаются, главным образом, факторов, определяющих взаимодействие наклонения с другими категориями; общие соображения на эту тему можно найти в работе [Malchukov 2011]. Способ взаимодействия категорий, и в частности категорий наклонения и модальности с другими категориями, определяется целым рядом различных факторов. Один фактор — семантическая совместимость и «естественность» отдельных комбинаций граммем. Как подтверждают многочисленные примеры, аномальные комбинации — такие как «императив прошедшего времени» или «императив 1 л. ед. ч.» — обычно либо не представлены в парадигме совсем, либо подвергаются реинтерпретации. И, наоборот, естественные («гармонические») комбинации будут представлены во всех языках. Это обобщение требует, однако, одной важной оговорки.

Даже наиболее естественные сочетания могут быть ограничены в силу принципа экономии, который обычно исключает морфологическое (ненулевое) выражение обеих граммем в контекстах, если употребление одной из них будет избыточным. По соображениям экономии, такие семантически избыточные комбинации значений либо выражаются кумулятивно (как императив 2 л.), либо ведут к регулярному образованию полисемии в языках мира. Например, в языках с оппозицией реалиса / ирреалиса либо показатели ирреалиса гармонично сочетаются с показателем будущего времени (в системе «объединенного» кодирования различий между реалисом и ирреалисом, ср. пример (12) из языка автув), либо показатели ирреалиса употребляются как собственно показатели будущего времени (в «разъединенной системе», ср. пример (11) из языка букийип).

Еще одним общим принципом, накладывающим ограничения на синтагматическую сочетаемость, является так называемый фактор релевантности [Malchukov 2011]. Действие релевантности сводится к нейтрализации различий в значениях с пониженной функциональной нагрузкой (например, формы ирреалиса нередко не различают значений времени или вида, поскольку видо-временная характеристика является чисто прагматически малозначимой для действий, которые не осуществились). Подобные случаи также можно интерпретировать в рамках теории маркированности, в соответствии с которой немаркированные категории характеризуются более широкими возможностями дистрибуции по отношению к маркированным категориям (о «дистрибутивной маркированности» см. [Croft 1990]).

Вышеупомянутые факторы можно рассматривать в рамках теории маркированности, однако лишь, если последняя понимается не как общая маркированность (global markedness) безотносительная к значениям других категорий (так что множественное число оказывается всегда маркированным членом числовой оппозиции по отношению к единственному), а как частная (избирательная или дистрибутивная) маркированность (local markedness, в терминах, принятых в [Tiersma 1982] и [Croft 1990]), связанная с естественным характером конкретных комбинаций граммем. Если речь идет о более сложных парадигмах и если учитывать небинарные оппозиции (см. выше о категориях лица / числа), то подобные отношения частной маркированности можно описывать в терминах многочисленных имплицативных иерархий (таких как «иерархия значений лица в категории императива» в (27)). Вместе с тем предсказание таких имплицативных иерархий, формируемых общими правилами семантической совместности и прагматической «полезности» сочетания отдельных граммем, будет всегда статистического, а не абсолютного характера, поскольку формирование отдельных парадигм, регулирующих сочетаемость грамматических показателей, в конечном счете, отражает особенности диахронического развития, характерные для данного конкретного языка. Во всяком случае, при постулировании таких иерархий основная роль отводится семантике отдельных граммем (императива, ирреалиса и т. д.), а не грамматических категорий в целом (наклонение, время и др.), поскольку синтагматические процессы — в той степени, в которой они обнаруживают типологические регулярности, — могут быть описаны и отчасти предсказаны только исходя из семантики отдельных граммем и общих процессов семантической композиции.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3	— лицо	NEG	— отрицание
A	— субъект переходного глагола	NONPST	— непрошедшее
ABS	— абсолютив	NONSG	— неединственное число
AFF	— аффирматив	NOM	— номинатив
AOR	— аорист	O	— объект переходного глагола
CLIT	— клитика	OBJ	— объект
DIR	— директивный (локативный) префикс	PART	— причастие
DIST	— дистантный императив	PAST	— прошедшее время
EXCL	— эксклюзив	PERF	— перфект
FUT	— будущее время	PL	— множественное число
HAB	— хабиуталис	PRES	— настоящее время
HYPTH	— гипотетическое наклонение	PREV	— превентив
IMP	— императив	PROB	— вероятностное наклонение
INCL	— инклюзив	PROH	— прохибитив
IND	— индикатив	PTCL	— частица
INT	— интеррогатив	R	— реалис
IRR	— ирреалис	REFL	— рефлексив
NECESS	— долженствовательное наклонение	SBJV	— конъюнктив
		SG	— единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аврорин 1962 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Л.: Наука, 1962. [Avrorin V. A. *Grammatika nanaiskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Leningrad: Nauka, 1962.]
- Бирюлин, Храковский 1992 — Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // Храковский В. С. (отв. ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 5—50. [Biryulin L. A., Xrakovskij V. S. Imperative sentences: problems of the theory. *Tipologiya imperativnykh konstruksii*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1992. Pp. 5—50.]
- Бондарко 1971 — Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. Л.: Наука, 1971. [Bondarko A. V. *Vid i vremya russkogo glagola* [Aspect and tense of the Russian verb]. Leningrad: Nauka, 1971.]
- Гусев 2005 — Гусев В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива: Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2005. [Gusev V. Yu. *Tipologiya spetsializirovannykh glagol'nykh form imperativa. Kand. diss.* [Typology of specific imperative forms of the verb. Cand. diss.]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2005.]
- Гусев 2013 — Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Gusev V. Yu. *Tipologiya imperativa* [Typology of the imperative]. Moscow Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Люблинская, Мальчуков 2007 — Люблинская М. Д., Мальчуков А. Л. Эвиденциальность в ненецком языке // Храковский В. С. (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 445—468. [Lyublinskaya M. D., Malchukov A. L. Evidentiality in the Nenets language. *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamyati N. A. Kozincevoi*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007. Pp. 445—468.]
- Майсак, Татевосов 1998 — Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Вид и модальность: Способы взаимодействия (на материале цахурского языка) // Черткова М. Ю. (отв. ред.). Типология вида: Проблемы, поиски, решения. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 265—281. [Maisak T. A., Tatevosov S. G. Aspect and modality: ways of interaction (Tsakhur). *Tipologiya vida: Problemy, poiski, resheniya*. Chertkova M. Yu. (ed.). Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1998. Pp. 265—281.]
- Мальчуков 1999 — Мальчуков А. Л. Перфект и эвиденциальность в тунгусских языках (опыт функционально-диахронического анализа) // Вопросы языкознания. 1999. № 3. С. 119—132. [Mal'chukov A. L. Perfect and evidentiality in the Tungus languages (an essay in functional and diachronic analysis). *Voprosy jazykoznanija*. 1999. No. 3. Pp. 119—132.]

- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1998. [Melčuk I. A. *Kurs obshchei morfologii* [A course of general morphology]. Vol. 2. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury; Vena: Wiener Slawistischer Almanach, 1998.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya* [Semantic studies]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. Общая морфология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya* [General morphology]. Moscow: Editorial URSS, 2000.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical categories and grammatical systems across languages]. Moscow: RGGU, 2011.]
- Урманчиева 2004 — Урманчиева А. Ю. Седьмое доказательство реальности ирреалиса. // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 28—75. [Urmanchieva A. Ju. The seventh proof of reality of the unreal mood. *Irrealis i irreal'nost'*. Lander Yu. A., Plungian V. A., Urmanchieva A. Ju. (eds). Moscow: Gnozis, 2004. Pp. 28—75.]
- Храковский 1990 — Храковский В. С. 1990 — Взаимодействие грамматических категорий глагола: опыт анализа // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 18—36. [Xrakovskij V. S. Interaction of grammatical categories of the verb. *Voprosy jazykoznanija*. 1990. No. 5. Pp. 18—36.]
- Храковский 1992 — Храковский В. С. (отв. ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. [Xrakovskij V. S. (ed.). *Tipologiya imperativnykh konstruksii*. [Typology of imperative constructions]. St. Petersburg: Nauka, 1992.]
- Храковский 1996 — Храковский В. С. Грамматические категории глагола: опыт теории взаимодействия // Бондарко А. В. (отв. ред.). Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 22—43. [Xrakovskij V. S. Grammatical categories of the verb: an essay of the theory of interaction. *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1996. Pp. 22—43.]
- Храковский, Володин 1979 — Храковский В. С., Володин А. П. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Храковский В. С. (отв. ред.). Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука, 1979. С. 42—54. [Xrakovskij V. S., Volodin A. P. Principles of identifying grammatical categories (tense and mood). *Problemy lingvisticheskoi tipologii i struktury yazyka*. Xrakovskij V. S. (ed.). Leningrad: Nauka, 1979. Pp. 42—54.]
- Храковский, Володин 1986 — Храковский В. С., Володин А. П. Типология императивных конструкций: русский императив. Л.: Наука, 1986. [Xrakovskij V. S., Volodin A. P. *Tipologiya imperativnykh konstruksii: russkii imperativ* [Typology of imperative constructions: the Russian imperative]. Leningrad: Nauka, 1986.]
- Якобсон 1972 — Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95—113. [Jakobson R. O. Shifters, verbal categories and the Russian verb. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya*. Moscow: Nauka, 1972. Pp. 95—113.]
- Abraham, Leiss 2008 — Abraham W., Leiss E. Introduction. *Modality-aspect interfaces. Implications and typological solutions*. Abraham W., Leiss E. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. XI—XXIV.
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Yu. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald 2010 — Aikhenvald A. Yu. *Imperatives and commands*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Aikhenvald, Dixon 1998 — Aikhenvald A. Yu., Dixon R. M. W. Dependencies between grammatical systems. *Language*. 1998. Vol. 74. No. 1. Pp. 56—80.
- van der Auwera 1996 — van der Auwera J. Modality: The three-layered scalar square. *Journal of semantics*. 1996. Vol. 13. No. 3. Pp. 181—195.
- van der Auwera, Plungian 1998 — van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic typology*. 1998. No. 2. Pp. 79—124.
- van der Auwera et al. 2004 — van der Auwera J., Dobrushina N., Goussev V. A semantic map for imperatives-hortatives. *Contrastive analysis in language: Identifying linguistic units in comparison*. Willems D., Defrancq B., Coleman T., Noel D. (eds). New York: Palgrave Macmillan, 2004. Pp. 44—69.
- van der Auwera et al. 2005 — van der Auwera J., Lejeune L., Goussev V. The prohibitive. *The world atlas of language structures*. Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2005. Pp. 290—293.

- van der Auwera et al. 2009 — van der Auwera J., Malchukov A., Schalley E. Thoughts on (im)perfective imperatives. *Form and function in language research. Festschrift for Christian Lehmann*. Helmbrecht J. et al. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 93—107.
- van der Auwera, Devos 2012 — van der Auwera J., Devos M. Irrealis in positive imperatives and prohibitives. *Language sciences*. 2012. Vol. 34. No. 1. Pp. 171—183.
- Bybee 1985 — Bybee J. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
- Bybee 1995 — Bybee J. The semantic development of past tense modals in English. *Modality in grammar and discourse*. Bybee J., Fleischman S. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 1995. Pp. 503—517.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Capell, Hinch 1970 — Capell A., Hinch H. E. *Maung grammar, texts and vocabulary*. The Hague: Mouton, 1970.
- Chafe 1995 — Chafe W. The realis-irrealis distinction in Caddo, the Northern Iroquoian languages, and English. *Modality in discourse and grammar*. Bybee J., Fleischman S. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 1995. Pp. 349—366.
- Conrad, Wogiga 1991 — Conrad R. J., Wogiga K. *An outline of Bukiyip grammar*. Canberra: Australian National University, 1991.
- Cowell 1964 — Cowell M. W. *A reference grammar of Syrian Arabic*. Washington: Georgetown University Press, 1964.
- Croft 1990 — Croft W. *Typology and universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Croft 2003 — Croft W. *Typology and universals*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Derbyshire 1979 — Derbyshire D. C. *Hixkaryana*. Amsterdam: North-Holland, 1979.
- Elliott 2000 — Elliott J. R. Realis and irrealis: Forms and concepts of the grammaticalisation of reality. *Linguistic typology*. 2000. Vol. 4. No. 1. Pp. 55—90.
- Feldman 1986 — Feldman H. *A Grammar of Awtuw*. (Pacific linguistics, 94.) Canberra: Australian National University, 1986.
- Fleischman 1989 — Fleischman S. Temporal distance: A basic linguistic metaphor. *Studies in language*. 1989. Vol. 13. No. 1. Pp. 1—51.
- Friedman 2000 — Friedman V. Confirmative/nonconfirmative in Balkan Slavic, Balkan, Romance, and Albanian with additional observations on Turkish, Romani, Georgian and Lak. *Evidentials: Turkic, Iranian and neighboring languages*. Johanson L., Utas B. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 329—366.
- Givón 1982 — Givón T. Evidentiality and epistemic space. *Studies in language*. 1982. Vol. 6. No. 1. Pp. 23—49.
- de Haan 1997 — de Haan F. *The interaction of modality and negation: A typological study*. New York: Garland, 1997.
- de Haan 2006 — de Haan F. Typological approaches to modality. *The expression of modality*. Frawley W. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. Pp. 27—69.
- Haspelmath 1998 — Haspelmath M. The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization. *Diachronica*. 1998. Vol. 15. No. 1. Pp. 29—62.
- Haspelmath 2006 — Haspelmath M. Against markedness (and what to replace it with). *Journal of Linguistics*. Vol. 42. No. 1. Pp. 25—70.
- James 1982 — James D. Past tense and the hypothetical: A cross-linguistic study. *Studies in language*. 1982. Vol. 6. No. 1. Pp. 375—403.
- Jakobson 1957 — Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. *Selected writings. Vol. 2: Word and language*. The Hague: Mouton, 1957. Pp. 130—147.
- König, Siemund 2007 — König E., Siemund P. Speech act distinctions in grammar. *Language typology and syntactic description. Vol. I: Clause structure*. Shopen T. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 276—324.
- Kulikov 2001 — Kulikov L. *The Vedic -ya- presents*. Ph.D. thesis. University of Leiden, 2001.
- LaPolla, Chenglong Huang 2003 — LaPolla R., Chenglong Huang. *A grammar of Qiang with annotated texts and glossary*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Lichtenberk 1983 — Lichtenberk F. *A grammar of Manam*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1983.
- Lyons 1977 — Lyons J. *Semantics*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Malchukov 2000 — Malchukov A. L. Perfect, evidentiality and related categories in Tungusic languages. *Evidentials: Turkic, Iranian and neighboring languages*. Johanson L., Utas B. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 441—471.

- Malchukov 2001 — Malchukov A. L. Imperative constructions in Even. *Typology of imperative constructions*. Xrakovskij V. S. (ed.). Munich: Lincom, 2001. Pp. 159—180.
- Malchukov 2009 — Malchukov A. L. Incompatible categories: Resolving the «present perfective paradox». *Cross-linguistic semantics of tense, aspect and modality*. Hogeweg L., de Hoop H., Malchukov A. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 13—33.
- Malchukov 2011 — Malchukov A. L. Interaction of verbal categories: Resolution of infelicitous grammeme combinations. *Linguistics*. 2011. Vol. 49. No. 1. Pp. 229—282.
- Merlan 1994 — Merlan F. C. *A grammar of Wardaman, a language of the Northern Territory of Australia*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.
- Miestamo 2005 — Miestamo M. *Standard negation: The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Mithun 1995 — Mithun M. On the relativity of irreality. *Modality in grammar and discourse*. Bybee J., Fleischman S. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 1995. Pp. 367—388.
- Narrog 2005 — Narrog H. On defining modality again. *Language sciences*. 2005. Vol. 27. No. 2. Pp. 165—192.
- Nuyts 2005 — Nuyts J. The modal confusion: On terminology and the concepts behind it. *Modality: Studies in form and function*. Klinge A., Müller H. H. (eds). London: Equinox, 2005. Pp. 5—38.
- Padučeva 2008 — Padučeva E. V. Russian modals *možet* 'can' and *dožžen* 'must' selecting the imperfective in negative contexts. *Modality-aspect interfaces. Implications and typological solutions*. Abraham W., Leiss E. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 197—215.
- Palmer 1986 — Palmer F. R. *Mood and modality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Palmer 2001 — Palmer F. R. *Mood and modality*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Plungian 2001 — Plungian V. The place of evidentiality within the universal grammatical space. *Journal of pragmatics*. 2001. Vol. 33. No. 3. Pp. 349—357.
- Rennison 1997 — Rennison J. R. *Koromfe*. London: Routledge, 1997.
- Saltarelli 1988 — Saltarelli M. *Basque*. London: Routledge, 1988.
- Schalley 2008 — Schalley E. *Imperatives: a typological approach*. Ph. D. thesis. University of Antwerpen, 2008.
- Taylor 1985 — Taylor C. V. *Nkore-Kiga*. London: Croom Helm, 1985.
- Thieroff 2004 — Thieroff R. Modale Tempora — non-modale Modi. Zu Bedeutung und Gebrauch inhärenter Verbkategorien in verschiedenen europäischen Sprachen. *Tempus / Temporalität und Modus / Modalität im Sprachvergleich*. Leirbukt O. (ed.). Tübingen: Stauffenburg, 2004. S. 63—85.
- Thieroff 2010 — Thieroff R. Moods, moods, moods. *Mood in the languages of Europe*. Rothstein B., Thieroff R. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 1—29.
- Tiersma 1982 — Tiersma P. M. Local and general markedness. *Language*. 1982. Vol. 58. No. 4. Pp. 832—849.
- Traugott 2006 — Traugott E. C. Historical aspects of modality. *The expression of modality*. Frawley W. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. Pp. 107—139.
- Van Valin, LaPolla 1997 — Van Valin R. D., LaPolla R. J. *Syntax. Structure, meaning and function*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Wiemer 2001 — Wiemer B. Aspect choice in non-declarative and modalized utterances as extension from assertive domains. *Untersuchungen zur Morphologie und Syntax im Slawischen*. Bartels H., Störmer N., Walusiak E. (Hrsg.). Oldenburg: Bis, 2001. Pp. 195—221.
- Xrakovskij 2001 — Xrakovskij V. S. (ed.). *Typology of imperative constructions*. Munich: Lincom, 2001.
- Xrakovskij 2005 — Xrakovskij V. S. (ed.). *Typology of conditional constructions*. Munich: LINCOM Europa, 2005.

Статья поступила в редакцию 02.04.2015.